С.С.Неретина (Москва)

ИСТОРИЯ КАК ВРЕМЯ ОТ ВЫБОРА ДО УТОПИИ

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения М.Я. Гефтера (1918 – 1995) историка, освещавшего проблемы методологии и философии истории, человека, организовавшего первый в России сектор методологии в Институте истории АН СССР в 1964 г. и представивший не только альтернативные марксизму принципы обоснования истории, но новую философию истории. С именем Гефтера связаны такие понятия, как Мир Миров, многовариантность истории и др. История, по его мнению, прежде всего, - не естественноисторический процесс, она определяется как выбор и как движение выбора, который тем самым оказывается «псевдонимом истории и оспаривателем ее». Сама идея выбора дает возможность увидеть историю в сослагательном наклонении, которое определяется не как контролирующая функция разума после свершения факта, а как сопровождающее его, разума, действия, постоянно готового к изменению.

Гефтер впервые всерьез попытался понять смысл сравнительно-исторического метода, предложив прочитать все доступные тексты какой-либо эпохи как один текст, чтобы понять не семиотический код, а ту «тайну», которая неуклонно вела к исполнению внутреннего смысла эпохи, закодированного в произведениях и документах. Выбор предполагает постоянное обращение к идее Начала, которое делает историю парадоксально нескончаемой и недовершаемой, открывая ее новые возможности и новые незамеченные замыслы. Прошлое а таком случае нет нужды экстраполировать из нашего самопонимания. Оно - альтернативно по природе, по своей неустойчивости и отсутствию его окончательного вида. Человек, полагал он, не знает, все ли, что было, может квалифицироваться как прошлое, для этого его можно и нужно увидеть принципиально непохожим на

то, каким оно иногда хочет представиться, этим оно становится сомнительным для нас, вызывая необходимость нового обращения к нему.

Гефтер один из немногих в наше время обратил внимание на активно-пассивное действие, свойственное человеку. Выразителями этой пассивной активности или активной пассивности являются история и время: в обязанности истории входит действие, в обязанности времени - предъявление того, что сделано или делается. Они по своим обязанностям могут пересекаться, а могут и не совпадать. Неизвестно время эволюции человека, время существования многих племен, хотя следы их жизни нам показывают археологи. Если это неизвестно, о них нельзя говорить как о доисторических племенах, так же, как нельзя утверждать, что это были племена, у которых не было понятия «история». В этом отношении Гефтер был согласен с убеждением М. Элиаде, который всегда выражал уверенность в наличии метафизики даже при отсутствии слов, ее подтверждающих. «Мы не поднимаемся к метафизике, а удаляемся от нее», - это их общее убеждение, возникшее независимо друг от друга. Для Гефтера время – это переводчик с языка одной эпохи на язык другой, т.е. время понимается как передатчик значений речи, чего история делать не обязана. И это диалог равных, не предполагающий регламента. Любое ставшее известным высказывание (будь то дошедший до нас и исследуемый документ, трактат, художественное произведение) противится хронометражу, противится своему времени, по крайней мере, тем, что оно не осталось в этом времени и перешло в другое с измененным значением.

С точки зрения Гефтера, в XX в. историк стал лишним человеком. «С двух концов XX век подорвал историю: сделав всю Землю ее территорией, став панисторическим, он лишил резона экспансию всемирного единства, а убийство из кровавого спутника этой экспансии превратил в абсурд, столь всеобще-укорененный, что превозмочь его человеку дано (если вообще дано) лишь посредством нового безумия». Абсурд является сигналом достижения историей своего предела.

С этой позиции, конец истории видится так: история и историк вступили в сферу обмана, ибо говорится то, чего нет, а человек оказался в нуле форм. Нельзя даже сказать, что человек разместился на границе между мгновенно исчезающим прошлым и едва маячащим будущим, ибо в нуле форм их попросту нет. То, что сейчас называется историей, превратилось в утопию. В качестве причины конца истории он называет, по крайней мере, две: 1) «гибридность» форм, при которых абсолютное зло смешивается с абсолютным добром, и 2) то, что он назвал *имморализмом*. В заметках, которые называются «Марсианин», он иронически отзывается о существующем понимании истории как ежедневном свершении, чему способствует появление лозунгов, призывов, словесных штампов. Именно понимание истории как панистории есть конец истории. – это принципиально иное объяснение конца, чем у Фукуямы. Прежняя история (войн, событий, прошлого, даже проектов), которая до сих пор только и называется историей, понималась им как метаистория, а поколение так понимаемой, антропогенной, истории – метапоколением. Там, где ее, истории, нет, там происходит выбраковка. Гефтер определяет происходящий таким образом отбор, или селекцию, по признаку «убывающей человечности». Таким оказалось предвоенное «поколение, отождествившее себя с историей». Оно и является родителем имморализма, который отличается от безнравственности (по расчету или из соображений карьеры) тем, что имморализм – это «падающий до почти нулевой величины иммунитет против дурной безнравственности. Отчего сопротивляемость – ноль».

Нулевая сопротивляемость, по его мнению, и привела в свое время к торжеству панисторизма.

Выход из такого состояния он видел в том, что любое время, даже нулевое, имеет свой конец. Потому его последнее слово как историка - слово «накануне», которое он понимал как перемену, касающуюся не частностей и

не разновидностей жизни, а самой жизнью, схватку между однозначностью и различием.